

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

РАССКАЗ

Неделю назад старшего лейтенанта Веньку Крутова, артиллериста со сторожевого корабля “Лунь”, прикомандировали на соседний корабль, который заступал в боевое дежурство. Сегодня он благополучно сменился, прибыл на свой сторожевик, представился командиру, заслушал старшин команд. Причин для беспокойства вроде бы нет. Правда, мичман Загубисало доложил:

— Арсенальщик, матрос Зародов, получил недавно письмо и ходит, словно в воду опущенный. Откровенного разговора с ним не получается.

Крутову не нужно было напрягать память, чтобы представить образ матроса: среднего роста, крепкий, круглолицый, белобрысый, молчаливый, по-деревенски наивный, стеснительный и уважительный. Он сразу располагал к себе и вызывал добрую улыбку.

— Вызовите ко мне, — приказал старший лейтенант.

— Не может быть, он после обеда отпущен в город, помочь киномеханику получить хвильмы, — пояснил Загубисало.

— Жаль, надо бы с ним побеседовать, — расстроился Крутов.

— Успеете, дело не срочное, отдохнете, ниче за сутки не случится, — успокоил его мичман.

“Действительно, зря беспокоюсь, Степан парень основательный, из многодетной семьи, отпуском на родину поощрен”, — подумал Крутов, дал за-

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках: “Антология калининградского рассказа”, “Балтийский флот”, в журналах: “Балтика”, “Параллели”, во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

дание подчиненным и сошел на берег, на заслуженный выходной. Дома проблем хватало. В городке несколько дней назад вышла из строя котельная, в квартирах батареи отопления холодные, нет горячей воды, из-за снежных заносов не завозили молочные продукты и хлеб. Хорошо, на новоселье сослуживцы подарили электрический обогреватель. Венька сильно переживал из-за того, что ничем не мог помочь семье, пока находился в дежурстве. Всего один раз ему удалось поговорить с женой по телефону. Она заверила, что все в порядке, однако голос был какой-то тусклый, усталый, без обычных шуток и подначек. Только на расстоянии как проверишь, так ли это, или просто успокаивает?

Снег весело скрипел под ногами, искрился до боли в глазах. Настроение приподнятое: по службе все в порядке, дома ждут. Вот и торопился Венька: жену обнять, дочурку Анечку помянуть, по хозяйству помочь. Для корабельного офицера сутки на берегу, что для сухопутного месяц отпуска. Инна открыла дверь, увидела мужа, вспыхнула от радости, засуетилась:

— Доченька, иди сюда, папа пришел!

Смотрит Крутов, ну и дела! Отсутствовал всего ничего, а Аня уже пошла, неуверенно переставляет ножки, переваливается медвежонком, с трудом удерживает равновесие, но идет, ручки тянет. Не забыла папку! Поднял Крутов дочку, подбросил над головой. Аня ротик раскрыла, воздуха глотнула, рассмеялась. И боязно ей под потолок взлетать, и нравится одновременно. Дорогого стоят эти минуты. Наверное, такие семейные радости и помогают забыть о неприятностях и, как в уставе написано, “стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы”. Поужинали, искупали дочку. В делах и разговорах вечер пролетел незаметно. И усталость подступила, и на сон потянуло.

— Как хватает у тебя сил целый день крутиться? — удивился Крутов.

— Любовь помогает справляться, — смущенно ответила Инна.

— К кому? Ко мне или к дочке? — ревниво спросил муж.

— К обоим, дурачок, пора бы догадаться.

Утром Венька вышел с лопатой размяться, снег возле подъезда почистить и нос к носу столкнулся со своим оповестителем.

— Ты что это в такую рань по городку бегаешь? — удивился Крутов.

— За вами, товарищ старший лейтенант.

— У меня же выходной, кому я так срочно понадобился?

— Командир вызывает. У нас ЧП.

— Нельзя ли поподробнее?

— Зародов с киномехаником в городе напились, подрались с гражданами, попали в милицию, потом в комендатуру. Помощник командира ездил их забирать.

— Не слышно, из-за чего напились? — спросил Крутов.

— Говорят, накануне письмо Зародов какое-то получил. Сильно расстроился.

Крутов бросил лопату, метнулся в квартиру, переоделся, чмокнул жену, дочку, бросил на ходу: “Не волнуйся, все нормально, обычное оповещение”, — и припустил на корабль.

— Товарищ старший лейтенант, вы бы помедленнее, я за вами не успеваю, скользко, — попытался остановить его матрос.

— Отстань, не до того, — отмахнулся Крутов и прибавил шаг.

Не за себя волновался старший лейтенант. Хотя, конечно, понимал — начальство по головке не погладит, выплет по первое число, может, и на классы не отпустит. “Да наплевать на классы. Главное, помочь Зародову, парень, видно, в разнос пошел, может бед натворить”. Между тем воображение рисовало картины одну трагичнее другой. То Степан, привалившись спиной к шпилью, открывает широко рот, засовывает в него ствол автомата и нажимает курок. То, закрыв глаза, сжав плотно губы, “поливает” из автомата по корабельной надстройке. Автомат трясется в его руках, пули с визгом рикошетят от металла. То дает очередь вверх, чтобы народ попрятался, а сам бросает оружие, подбегает к борту и бросается в студеную воду. Крутова передергивает, будто все это он видит в действительности.

“Надо было вчера не торопиться домой, дожждаться возвращения Зародова, поговорить с ним. Совсем ты, Венька, нох потерял, захвалили тебя, вот и получил подарочек”, — корил себя Крутов. “Неплохо бы письмом разыскать и товарищей опросить, наверняка, с кем-нибудь из них поделился арсенальщик своими переживаниями”, — продолжал он размышлять на бегу. И доразмышлялся, поскользнулся на припорошенной снегом раскатанной ледяной дорожке, потерял равновесие и беспомощно рухнул. Острая боль пронзила правый голеностопный сустав. Крутов вскрикнул. Дотронуться до лодыжки было невозможно. Он с трудом, морщась, встал, сделал несколько шагов. “Когда же я до корабля доковыляю с такой скоростью?” — с тоской подумал Венька и беспомощно оглянулся. Подоспел оповеститель:

— Давайте помогу, товарищ командир. Опирайтесь на мое плечо, вдвоем на трех ногах допрыгаем. А может, здесь посидите, я мигом на корабль за санитарями. Они на носилках доставят, глядишь, быстрее будет, — ободряюще улыбнулся он.

— Еще чего? Хочешь, чтобы надо мной вся бригада смеялась. Нет уж, действуем по первому варианту — на трех ногах.

Ступня ныла, но боль стала терпимой, не мешала искать ответ на вопрос: “Почему Зародов выкинул такой фортель? На корабле видимых причин нет. Значит, их нужно искать среди родных, знакомых. Если бы что-нибудь стряслось с родителями, наверняка получили бы телеграмму. Девушка сообщила, что замуж вышла или выходит? Вполне возможно. Тем более, письмо от кого-то получил. Ладно, Пинкертон, не спеша с выводами. Информации явно не хватает”.

— Вон и бригада, товарищ командир! — радостно закричал оповеститель.

— Спасибо за помощь, дальше я самостоятельно.

Крутов снял руку с плеча матроса, шагнул вперед, покачнулся, но выровнялся. Стиснул зубы и пошел, прихрамывая, вытирая выступивший на лбу пот рукавом канадки. Дежурный по КПП мичман с удивлением и сочувствием посмотрел на необычный вид старшего лейтенанта, однако промолчал и отдал честь. Корабли бригады стояли на своих привычных местах, кормой к причальной стенке. Крутов доковылял до каюты командира корабля, постучал в дверь и, получив “добро”, вошел.

— Старший лейтенант Крутов по вашему приказанию прибыл, — доложил он без особого энтузиазма.

Командир оторвался от документов и недовольно произнес:

— На кой ляд ты мне нужен! Не мешай заниматься. Иди, работай! Да, совсем забыл, плохо подчиненных воспитываешь, Вениамин Петрович. Пьянствуют, дебоширят. Разберись!

— Есть разобраться, — продублировал Венька, кое-как повернулся и похромал.

— Стоять! — прогремел в спину командир. — Докладить обстоятельства!

Он всегда говорил короткими, рублеными фразами, и без привычки трудно порой было понять их глубокий смысл.

Но Венька имел достаточный опыт общения с начальником, все уяснил и так же коротко изложил суть:

— Торопился на корабль, поскользнулся. Упал. Повредил голеностоп.

— Свободен, — заключил командир.

Охая и кряхтя, артиллерист спустился в каюту, немного отдышался и вызвал старшего матроса Зародова для беседы. Однако вместо арсенальщика в каюте появился старшина команды, мичман Загубисало.

— Вениамин Петрович, Зародова на корабле немає.

— Мне сейчас не до шуток, Николай Спиридонович!

— Яки шутки! Помощник повиз обоих на гауптвахту.

— Зачем же меня тогда высвистали?

— Про то мне не ведомо.

— Может быть, и к лучшему, пока нет виновника торжества, разберемся, что к чему. Подчиненных от дел отрывать не буду, пойду в народ, пообщаюсь с людьми на боевых постах в непринужденной обстановке.

— Решение правильное, — одобрил мичман, — нога не помеха?

— Спасибо доктору — костьюлем вооружил, чтобы перемещаться по кораблю было сподручнее.

— Дозвольте уточнить: яка моя задача? — спросил Загубисало.

— Искать письмо! Наверняка оно где-то спрятано.

Крутов обошел все помещения и боевые посты, побеседовал с товарищами Зародова. Банальный случай: девчонка провожает милого в армию и клянется ждать, но больше года не выдерживает и выскакивает замуж. Об этом нетрудно было догадаться и без общения с подчиненными. Вот главного — что произошло в последние дни, какие намерения были у арсенальщика — выяснить так и не удалось. Усталый, измученный болью, Крутов добрал до каюты. “Не стоит расстраиваться, рядовой случай, выпил матрос, теперь вместо отпуска отдохнет на гауптвахте, ума наберется. Не его, а мать жалеть надо, которая сына ждет”, — успокаивал себя старший лейтенант. И сам же с собой не соглашался: “Есть матросы, которые служат через пень-колоду. Степан не из таких. Выходит, я плохой начальник, если недоглядел”.

Телефонный звонок прервал его размышления. Дежурный по кораблю сообщил, что вернулся помощник с провинившимися матросами, посадить их на гауптвахту не удалось. Крутов вызвал рассыльного и приказал немедленно доставить к нему арсенальщика. Чтобы не терять времени даром, Вениамин решил посмотреть тетрадь, в которую записывал адреса и телефоны родителей подчиненных. Номер телефона действительно был, правда, не домашний, а рабочий. В дверь постучали.

— Заходи, Зародов, — пригласил Крутов.

Однако перед его глазами вновь предстал Загубисало.

— Це я, — сообщил мичман.

— Вижу, — отозвался Вениамин, — но мне нужен не старшина команды, а арсенальщик.

— Его нема.

— Как нема. Пять минут назад он прибыл на корабль.

— Так точно, прибыл. В кубрике вытряхнул из рундука одежду, достал письмо, порвал, бросил и счез. Счас уся команда его ищет, — закончив доклад, Загубисало протянул командиру боевой части обрывки письма.

Видимо, Зародов торопился, нервничал — письмо было разорвано на четыре части скорее не для того, чтобы уничтожить, а от обиды. Крутов аккуратно сложил обрывки, разгладил.

— Как вы считаете, Николай Спиридонович, имеем мы право заглядывать в личную жизнь подчиненного? — спросил он старшину команды.

— Командиру дозволено знать усе, — уверенно ответил мичман.

Письмо было написано по-детски неровным, неуверенным почерком, крупными буквами, то разбегающимися, то тесно прижимающимися друг к другу. Содержание его уместилось на четвертинке тетрадного листа в клеточку:

“Степан, я узнала от тети Даши, что во второй половине января ты приедешь в отпуск. Я выхожу замуж. Свадьба на следующую субботу после Рождества. Моя к тебе просьба: сделай так, чтобы тебя в деревне в это время не было, не то все испортишь. Я тебя знаю. Наверное, больше не увидимся. Да и незачем нам встречаться. Мы будем жить в городе. Это то, о чем я мечтала. Ты ведь хотел молочную ферму завести, детей иметь поддюжины. Вот и пришлось бы мне до старости буренкам хвосты заносить, по дому крутиться, да ребятам сопля утирать. А в любовь я не верю. Каждый поступает так, как ему удобно. На остальных наплевать. Мне повезло, я свой счастливый билет вытянула. Еще раз прошу, не мешай. Прощай. Вера”.

“Что же получается? — рассуждал старший лейтенант. — Зародов специально напился, чтобы ему “зарубили” отпуск? Вот дурак, выбрал самый неудачный вариант. Конечно, девица обошлась с ним жестоко. Неизвестно, как бы я поступил после получения подобного послания, не исключено, запил бы горькую. Если только в этом состояла его задача, то он ее выполнил, и командирам-начальникам можно вздохнуть свободно, однако не исключено, что Степан продолжит свой протест против несправедливости, и тогда нас ждут неприятности посерьезнее. Надо немедленно разыскать Зародова”.

Вениамин позвонил дежурному по кораблю:

— Это Крутов, дай по трансляции: “Личному составу боевой части два большой сбор. Место построения правый шкафут”. Николай Спиридонович, — обратился он к мичману, — прикажите проверить все помещения и примите в поиске личное участие. Я к вам присоединюсь позже.

Отправив старшину команды, Вениамин доковылял до корабельного связиста:

— Паша, выручай. Надо срочно переговорить с матерью моего матроса. Вот номер ее рабочего телефона.

— Через два часа тебя устроит?

— Паша, у тебя же музыкальный слух. Я сказал: срочно.

— Какая необходимость? Никто не стреляет, и, насколько мне известно, все живы-здоровы.

— Пока.

— Ты меня убедил, жди вызова у себя в каюте.

Паша не подвел — не успел Вениамин устроиться в кресле, как раздался длинный, непрерывный звонок. В телефонной трубке сквозь шумы и потрескивания прозвучал взволнованный женский голос:

— Да, это Дарья Анисимовна Зародова. С кем я говорю?

— Это командир вашего сына, старший лейтенант Крутов.

— Ой, товарищ Крутов! Что там со Степкой случилось? Я всю ночь не спала, промаялась.

— Да ничего серьезного.

— Как же ничего! Вчера получила телеграмму: “Мама, прости и прощай”, а сегодня вы звоните.

— Уверяю вас, нет причин для расстройства. Я всех родителей обзваниваю, проверяю связь. Сейчас лично его разыщу и заставлю вам позвонить.

— Вот спасибо, на обед не пойду, буду ждать.

“Так и есть! Что-то серьезное задумал Степан. Он слов на ветер не бросает. Неужели действительно до стрельбы дело дойдет?”

И, словно в подтверждение сделанного предположения, на верхней палубе, в районе бака раздался одиночный выстрел. Сопки отозвались эхом.

Вениамин, забыв о больной ноге, рванулся наверх. На трапе его догнал сигнал боевой тревоги.

В голове стучала, отзываясь болью в висках одна мысль: “Лишь бы был жив! Лишь бы был жив!”. Смолкли колокола громкого боя и топот ног. Но наступившая тишина не успокаивала, а вселяла еще большее беспокойство и безнадежность: “Неужели застрелился?”.

Крутов успел преодолеть всего несколько ступенек, когда на него сверху обрушилось что-то огромное и тяжелое. Вениамин свалился вниз, ударился затылком о палубу и на мгновение отключился. Когда открыл глаза, увидел склонившегося над ним мичмана Загубисало.

— Товарищ старший лейтенант, звяняйте за ради бога, дуже спешил, не заметил.

— Куда же вы мчались, скажите на милость?

— Так до вас, сообщить, что Зародов жив, здоров, с автоматом залег на баке за волнорез, никого не подпускает, один раз пальнул для испугу.

— Спасибо, утешил. Помогите встать, наконец-то я с подчиненным встречаюсь.

— Тем более спешить надо.

В то время, когда Крутов с помощью своего верного помощника — Загубисало преодолевал препятствия, за носовой орудийной башней, у надстройки совещались командир, замполит, помощник и особист. Видимо, был выработан какой-то план действий, потому что командир произнес: “Добро”, выглянул из-за орудия и громко скомандовал:

— Старший матрос Зародов! Отсоедините магазин, положите автомат на палубу и ко мне — бегом марш!

В ответ вновь прозвучал выстрел.

— Вот негодай, в командира стреляет! — возмутился особист. — Надо вызывать спецназ.

— Да в воздух он стреляет, себя успокаивает. Однако нам от этого не легче, — возразил помощник и обратился к арсенальщику:

— Зародов, кончай валять дурака, потом будешь жалеть. Сделай то, о чем тебя просил командир. Не заставляй нас идти на крайние меры.

Все замерли в ожидании. Молчание обнадеживало.

— Может быть, одумался? — шепотом сказал командир и решительно направился в сторону волнореза, но срывающийся от волнения голос Зародова остановил его:

— Предупреждаю! Если кто-нибудь попытается приблизиться, я застрелюсь, мне терять нечего!

— И правда, пулю себе в лоб пустит. Тушиковая ситуация, потому что нам неизвестны причины, из-за которых произошел нервный срыв, — подвел итог замполит.

Подошедший Крутов услышал эти слова и, не спросив разрешения, вступил в разговор:

— Причина известна — несчастная любовь. Зародов получил письмо, в котором его девушка сообщила, что выходит замуж за городского парня и просит Степана не приезжать в отпуск, чтобы не мешать свадьбе. Вот Зародов и выполняет ее просьбу, я бы даже сказал — перевыполняет.

— Как командир боевой части, дайте краткую характеристику подчиненному, — приказал командир.

— Добросовестный, старательный матрос, службу любит, начальников уважает, товарища в беде не бросит.

— С ваших слов его впору к ордену представлять, а тут тюрьмой пахнет. На такую ответственную должность безответственного человека назначили, — съязвил особист.

— Не место и не время виноватых искать, — командир укоризненно посмотрел на особиста. — Предлагайте, старший лейтенант.

— Силой ничего не добьются. Зародов в таком состоянии, что запросто руки на себя наложит, стоит только слегка подтолкнуть. Я попробую Степана уговорить. Остальных он слушать не будет. — Крутов понял, что окружающие могут истолковать его слова неправильно, и густо покраснел. — Не потому, что я такой умный, просто Зародов меня знает лучше и, кажется, доверяет.

— Не пойдет! У нас не детский сад и не пансионат для благородных девиц. Боевой корабль. Нечего сюсюкать! — возмутился командир. — Заслужил, получай. У меня рука не дрогнет.

— Я тоже сторонник решительных мер, однако мы не на охоте и не волка матерого обложили, а пацана, у которого эмоции разум задавили.

— Действуйте, Вениамин Петрович, попытка не пытка, — поддержал Крутова замполит.

Командир промолчал. Венька только сейчас осознал, какую ответственность на себя взвалил и какой опасности себя подвергает.

“Откуда уверенность, что Степан согласится с моими доводами и сдаться? Разве исключен другой вариант: первая пуля достанется старшему лейтенанту Крутову, вторая старшему матросу Зародову? Стоит ли рисковать своей жизнью, чтобы спасти жизнь чужого мне человека? Каждый должен отвечать за свои поступки сам. Подумал ли ты о том, что будет с женой и дочкой, если они останутся одни? Много вопросов, друг Венья, и ответов на них у тебя, к сожалению, нет”.

Так рассуждал Крутов, не замечая, что с помощью ног и костыля уже вышел из-за башни и сделал несколько шагов вперед.

— Стойте, товарищ старший лейтенант, я стрелять буду! — отчаянно и безнадежно закричал Зародов.

Крутов замер, словно наткнулся на препятствие.

“Эх ты, знаток человеческих душ. Неужели до сих пор не понял: если и выстрелит сейчас Степан, то только в себя и никогда — в другого человека. Не о себе беспокойся, парня спасай”.

Комок подкатил к горлу. Вениамин судорожно глотнул, нервно кашлянул и произнес первую фразу:

— Степа, я только что разговаривал по телефону с твоей мамой, она получила от тебя телеграмму, всю ночь не спала, плакала.

Не дождавшись ответа, Крутов продолжил:

— Дарья Анисимовна очень за тебя переживает. Я постарался успокоить. Сказал, что у тебя все в порядке. Она сомневается, попросила, чтобы ты сам ей позвонил.

Зародов высунулся по пояс. Лицо бледное, под глазами синяки, руки судорожно сжимают автомат. Человек не в себе...

— Товарищ старший лейтенант, уходите от греха подальше, не травите душу, и так тошно.

— Не могу я тебя в таком состоянии одного оставить. Ты себя в угол загнал и не знаешь, как выбраться. Дай руку, я тебе помогу.

— Поздно. Я по одну сторону, вы по другую. Я уже у родных прощения попросил и у вас прошу. Вы за меня не переживайте, одним оборотом на свете меньше станет, не велика потеря.

Зародов скрылся за волнорезом. Послышался стук приклада автомата о палубу.

“Давай, Венька! Не оплошай!” — скомандовал себе Крутов и, оттолкнувшись здоровой ногой, “рыбкой” перелетел через волнорез. Через секунду прогремел выстрел.

Командир выматерился, отбросил карабин в сторону и метнулся вперед.

— Опасно! Виктор Иванович! Назад! — запоздало предупредил замполит и бросился влед за командиром, за ними устремились остальные офицеры.

Старший лейтенант Крутов сидел в обнимку с арсенальщиком старшим матросом Зародовым и приговаривал: “Все будет хорошо”. По лицу Степана текли слезы. Автомат валялся возле вьюшки, забытый и ненужный.